

Евгений Пермяк

Сказка о большом колоколе

Давно уже нет в живых того матроса, который кораблем в Англию прибыл и в городе Лондоне занедужил, а сказка о нем живет.

Остался русский матрос в городе Лондоне. В хорошую больницу его положили. Провианту, денег оставили:

— Выздоровливай, дружба, и жди свой корабль!

Сказали так корабельные дружки и ушли обратным курсом в родную русскую землю.

Недолго болел матрос. Хорошими лекарствами его лечили. Микстур там, порошков, капель не жалели. Ну, да и жизнь свое взяла. Архангельских кровей парень — коренных поморских родителей сын. Такого разве болезнью сломишь!

Выписался матрос из больницы. Бушлатик почистил, пуговицы надраил. Ну, и остальным предметам одежды жаркий утюг дал. В гавань отправился — земляков поискать.

— Нет здесь твоих земляков, — говорят ему в гавани. — Исландия третью неделю туманы гонит. Откуда русским парусам в Лондоне быть?

— Не беда, — говорит матрос. — Я глазастый. И на ваших кораблях землячков сыщу.

Сказал так и на английский корабль ступил. Ноги о матик вытер, флагу честь отдал. Доложился. Представился.

Англичанам это любо. Потому как морской порядок везде один.

— Смотри ты каков! По всей форме моряк. Только жалко, что земляков тебе на нашем королевском корабле не сыскать.

А матрос на это улыбается, ничего не говорит, к грот-мачте направляется.

«Зачем, — думают моряки, — ему наша грот-мачта понадобилась?»

А русский матрос подошел к ней, погладил ее рукой и говорит:

— Здорово, землячка, архангельская сосна!

Очнулась мачта, ожила. Будто от долгого сна проснулась. Мачтовым русским бором зашумела, янтарной смоляной слезой прослезилась:

— Здравствуй, земляк! Рассказывай, как дома дела.

Переглянулись английские моряки:

— Смотри ты, какой глазастый! Землячку на нашем корабле сыскал.

А матрос тем временем с грот-мачтой задушевные разговоры разговаривает. Какие дома дела, рассказывает, мачту обнимает:

— Ах ты, милая моя, хорошая! Мачтовое ты чудо-дерево. Дух твой родной-лесной ветры не выдули. Гордость твою шторма не согнули.

Смотрят английские моряки — и борта корабля русскому матросу улыбаются, палуба под его ноги стелется. А он в них родной сердцу узор узнает, родные леса и рощи видит.

— Гляди ты, сколько у него земляков! На чужом корабле как дома, — шепчут про себя английские моряки. — И паруса к нему ластятся.

Ластятся к матросу льняные паруса, и конопельные-корабельные канаты-швартовы у его ног извиваются, как к родному льнут.

— А паруса-то к тебе зачем ластятся? — спрашивает капитан. — Они-то ведь в нашем городе Лондоне вытканы.

— Это так, — отвечает матрос. — Только до этого-то они льном-долгунцом на псковской земле росли. Как мне не приголубить их! Да и те же канаты взять. И они ведь у нас четырех-пятиаршинной коноплей уродились. Потом и к вам пожаловали.

Говорит так матрос, а сам на якоря косится, на пушки поглядывает. В те годы наше железо, наша медь, наш чугун с Уральских гор ходко шли в Швецию, в Норвегию, в Англию.

— Ну до чего ж я в хорошую компанию попал! — радуется матрос.

— Ах, какой ты глазастый, русский матрос! Везде свое родное разглядеть можешь. Дорого, видно, тебе оно.

— Дорого, — ответил матрос и принялся такое про наши края рассказывать, что зыбь на море стихла, чайки на воду сели.

Вся команда заслушалась. А в это время на главной лондонской колокольной часы отбивать стали. В большой колокол ударили. Далеко его бархатный звон над полями, лесами, реками поплыл и по-над морем пошел.

Слушает этот звон русский моряк, не наслушается. Даже глаза закрыл. А звон дальше и дальше разносится, на низкой, отлогой волне укачивает. Нет равного ему голоса на всех колокольных старой Англии. Старик остановится, вздохнет, девица улыбнется, дитя стихнет, когда этот большой колокол зазвонит.

Молчат на корабле, слушают. Любо им, что русскому матросу звон ихнего колокола по душе пришелся.

Тут моряки, смеясь, спрашивают матроса:

— Не земляка ли опять ты в колоколе признал?

А матрос им в ответ:

— Не могу твердо сказать, а голос у колокола знакомый. С московским выговором, с русской протяжностью.

Удивился английский капитан, как это русский матрос свое родное не только видеть, но и слышать может. Удивился, а про колокол ничего не сказал, хотя он и доподлинно знал, что этот колокол русские мастера в Московии для Англии отливали и русские кузнецы ладный ему язык выковали.

Промолчал корабельный капитан. А по какой причине промолчал, про то сказка молчит. И я промолчу.

А что касемо большого колокола на самой большой. Вестминстерской, колокольне старой Англии, так он и по сей день русским кованым языком английские часы отбивает. Бархатно отбивает, с московским выговором.

Не всем, конечно, его звон по душам да по ушам, только теперь уж ничего сделать нельзя. Не снимать же колокол! А сними — так он еще громче в людской молве благовестить начнет. Пускай уж висит, как висел, да с московскими кремлевскими братьями-колоколами перезванивается, да толкует о голубом небе, о тихой воде, о солнечных днях... О дружбе.

**Произведение нашел и предложил на конкурс Парфенов Дмитрий
ученик 3 «А» класса МБОУ Школа №11 г. Сарова**